

ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КАЛЕЙДОСКОПЕ

Шмуэль-Йосеф Агнон

**Израильская литература
в калейдоскопе (сборник)**

«Э.РА»

2013

Агнон Ш.

Израильская литература в калейдоскопе (сборник) / Ш. Агнон — «Э.РА», 2013

Сборник переводов «Израильская литература в калейдоскопе» составлен Раей Черной в ее собственном переводе. Сборник дает возможность русскоязычному любителю чтения познакомиться, одним глазком заглянуть в сокровищницу израильской художественной литературы. В предлагаемом сборнике современная израильская литература представлена рассказами самых разных писателей, как широко известных, например, таких, как Шмуэль Йосеф (Шай) Агнон, лауреат Нобелевской премии в области литературы, так и начинающих, как например, Михаэль Марьяновский; мастера произведений малой формы, представляющего абсурдное направление в литературе, Этгара Керэта, и удивительно тонкого и пронзительного художника психологического и лирического письма, Савьон Либрехт. Читатель, взявший в руки эту книгу, получит представление о широком и многообразном спектре стиля и тем произведений израильской художественной литературы и сможет насладиться драгоценными сверкающими гранями таланта ее авторов.

© Агнон Ш., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Шмуэль Йосеф Агнон	5
Со своим сердцем	6
Из далей	8
Томер Бен-Арье	9
Новокаин для души	10
Хаим Нахман Бялик	19
Как велика...	19
На исходе дня	20
Динь-дон	22
Варда Резиаль Визельтир	23
Жребий Ксантиппы	23
Орли Кастель-Блюм	24
Сценарист и действительность	25
Сценарист, который не знал, где ему спрятаться	27
На маленьком огне	29
Временное решение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Израильская литература
в калейдоскопе (сборник)**
*Рассказы израильских
писателей в переводе Раи Черной
(Книга первая)*

Шмуэль Йосеф Агнон

(От переводчика:

Рассказ тронул меня содержанием и очаровал поэтичным языком, романтичностью, ассоциацией с «Песнь песней», а стихотворение было написано автором в раннем периоде творчества. Следует отметить, что поэтические произведения не характерны для творчества Агнона.)

Со своим сердцем

Захотелось¹ мне спеть песню для Шуламит, прекраснейшей из всех девушек, потому что из дочерей моего народа больше всех люблю я Шуламит. И вот сейчас, когда приближается день рождения моей Шуламит, я решил, что сочиню для нее песню и украшу ее рифмами, как это делают поэты в своих стихах.

И отправился я к Рифмам, и обратился к ним: Послушайте, пожалуйста, Рифмы. Я сочиняю песню для Шуламит, прекраснейшей из дочерей сионских. Я пришел к вам, чтобы вы одолжили мне две – три рифмы для песни, которую я сочиняю ко дню ее рождения.

И ответили Рифмы, и сказали мне: Доброе дело ты хочешь сделать, но сначала ступай и принеси нам слова, и мы дадим тебе рифмы, дадим тебе рифм, сколько твоей душе угодно, и ты сочинишь песню, как пожелал.

Отправился я к Словам и обратился к ним: Загорелся я желанием сочинить песню для Шуламит и пошел к Рифмам, чтобы дали они мне две – три рифмы. Рифмы же сказали мне: Ступай и принеси нам слова, и мы дадим тебе рифмы. И вот я пришел к вам, о Слова. Одолжите мне теперь слова для песни, которую я собираюсь сочинить ко дню рождения Шуламит.

Выслушали Слова и сказали: Хорош совет, что дали тебе Рифмы, потому что без слов нет ничего, так как мы, Слова, всякому делу голова, а нет слов – дело под угрозой. Однако, пойдика ты к Голове. Может быть, он даст тебе идею, а уж потом мы – слова. Пойдешь со словами к Рифмам, и они дадут тебе рифмы. Ты сложишь слова в рифмы и сочинишь песню для этой Шуламит ко дню ее рождения.

Пришел я к Голове и рассказал ему обо всем. Но не пожелал Голова пойти со мной, так как, сказал он, не подобает мужчине петь песни. Тем более сейчас.

Но я не отставал от него. Упрашивал до стыда, пока он не согласился пойти со мной к одной из Идеи, чтобы та была со мной по приходе к Словам и Рифмам, и я смог бы сочинить песню для Шуламит, прекраснейшей из дочерей Сиона.

И отправились мы, и пришли к Идеи, и нашли ее сидящей среди мудрецов и старейшин. И сказал я Идеи: Близок день рождения Шуламит, и я хочу сочинить для нее песню. Ходил я и к Словам, и к Рифмам, а они послали меня к Голове. И вот он повел меня, и я явился сюда, к тебе, горя желанием сочинить песню, и прошу, чтобы ты пошла со мной к Словам и к Рифмам. Теперь встань, пожалуйста, моя Идея, и пойдем со мной.

Взглянула на меня Идея и промолвила: Неужели покину я свое место среди старейшин и мудрецов и пойду к Словам и к Рифмам!? И не пожелала Идея пойти со мной к Словам и к Рифмам, чтобы Слова дали мне слова, а Рифмы – рифмы для песни, которую мне захотелось сочинить для Шуламит, прекраснейшей из дочерей, которую я полюбил.

И ушел я от Идеи и опечалился безмерно, так как хотел сочинить песню для Шуламит ко дню ее рождения, а Идея не пошла со мной к Словам и к Рифмам, чтобы я мог сложить песню.

И затрепетало мое сердце, почувствовав, что я опечален. И спросило у меня сердце: Отчего тебе грустно? И рассказал я своему сердцу, что ходил к Рифмам, и они послали меня к Словам, Слова – к Идеи, а Идея оставила меня ни с чем и не пожелала пойти со мной. А ведь я хотел сочинить песню для Шуламит, прекраснейшей из дочерей, ко дню ее рождения. И как же мне теперь сложить эту песню, и как вернуться я к Словам и к Рифмам, если нет со мной Идеи?

И поняло мое сердце и сказала: Я буду с твоими устами, и ты сочинишь песню для Шуламит, прекраснейшей из дочерей, потому что люблю я Шуламит и твои песни.

---

¹ Сохранено авторское расположение текста и способ введения прямой речи (примечание переводчика).

И пока говорило со мной, коснулось моих уст. И я спел песню для Шуламит, прекраснейшей из дочерей, в день ее рождения, как не пел до сих пор с идеей, словами и рифмами, потому что со мной и с моими устами было мое сердце.

Из далей

По Лейпцигу один бродил,
И ветер дул, и снег валил.
Душа молила повернуть,
И возвратиться отдохнуть.

Я на чужую лег кровать,
Смежил глаза, пытаюсь спать.
Кошмары, обступив меня,
Преследовали среди дня.

Я Господа-Б-га смиренно спросил,
Зачем он мечтою меня одарил,
И плакал в печали, а после уснул,
И Б-г мой во сне ту мечту мне вернул:

Вот двое моих дорогих малышей
Резвятся в песке Бат-Галим,
И рядом их мама и шьет без затей
Рубашечки летние им.

И тут вдруг вскочили мои малыши
И вдаль устремили свой взгляд.
“Корабль там плывет, – они ей говорят,
Скорей, мам, смотри! – ей кричат. —

К нам папа прибудет на том корабле,
Из дальней страны приплывет.
Как ждем тебя, папа, на нашей земле,
Пусть ветер привет тебе наш отнесет!”

Чудесный их голос меня пробудил.
И понял я: то был лишь сон,
Но он в мою душу надежду вселил,
Весь день в ней пульсировал он.

Томер Бен-Арье

(От переводчика:

Этот рассказ попал ко мне случайно. Наш преподаватель иврита скачал его из Интернета. Я прочитала его с большим интересом. Идея оригинальна, хорошо написан, легко читается. Это фантазия, но, прочитав его, невольно задумываешься: а что, если вправду...)

Новокаин для души

Шира была любовью всей его жизни. В тот самый момент, как Раз увидел ее впервые, что-то екнуло у него внутри. Из-за того, что в средней школе они учились в разных классах и Разу понадобилось время, чтобы преодолеть свою стеснительность, они подружились лишь в конце 12-го класса. Во время экскурсии, проводимой обычно в конце года, при подъеме по змеиной тропе она запела “Положи свою руку”, и он присоединился. Сначала он подумал, что она поет детскую песню для прикола, и тогда она рассказала ему, что группа под названием “Малыши” недавно исполнила ее в новой обработке. Так это началось... Они были неразлучны во время экскурсии, и их дружба продолжалась около года. Они поддерживали связь и после окончания школы. Когда Раз служил на Голанах и приходил домой раз в две-три недели, их дружба упрочилась. После ранения он был вынужден перейти в подразделение компьютеров, их дружба набирала силу, и Шира стала для него незаменимым другом. Когда она встречалась с разными молодыми людьми и он беспокоился за нее, Шира думала, что он волнуется как брат, в то время как он только выжидал момента, когда наберется мужества и откроет ей правду. Во всех связях, которые у него были, он видел лишь подготовку к настоящим отношениям с Широй.

К тому времени, как Раз отслужил в армии, у Ширы были близкие отношения с одним типом, в котором Раз не опознал вовремя серьезного потенциального соперника. Неожиданное известие об их помолвке повергло его в шок. К его радости, помолвка была отменена, и они расстались за два месяца до свадьбы. Раз понял, что не может снова упустить поезд, и лишь дожидаясь, пока у нее зарубцется рана от расставания. Когда он, наконец, ей открылся, она улыбнулась и поцеловала его. Вначале она колебалась, но чем больше проходило времени, тем все более естественным казался ей переход на новую ступень их отношений. Их любовь расцветала и крепла, и Раз был на седьмом небе. Через год они стали жить вместе, и даже пошли разговоры о свадьбе. Однажды, когда он вернулся с работы, она сказала ему, что они должны поговорить, и рассказала, что изменяет ему и что хочет расстаться. Весь мир Раза в мгновение обрушился. Он не мог заставить себя посмотреть в глаза любимой, которая уже не его, и начал молча собирать вещи... Несмотря на всю боль расставания, Раз не чувствовал неприязни к ней и не мог разорвать связь окончательно. Он не верил, что это возможно, но им удалось снова стать хорошими друзьями, какими они были до совместной жизни. Понятно, что он все еще испытывал к ней чувства и надеялся, что все вернется, они пожениются и проведут оставшуюся жизнь вместе, но он не признавался в этом даже себе самому. Они часто встречались и часами разговаривали по телефону. Она знала обо всем, что происходит в его жизни, а он – в ее.

Как-то, через полгода он вернулся домой с работы в небольшой фирме Ni-tech и нашел в компьютере, в электронной почте сообщение, разбудившее его дремавшие чувства, о существовании которых он уже не думал. Шира сообщала, что будет жить с Алексом, тем самым парнем, с которым она ему изменила. Раз почувствовал, как адреналин захлестывает все тело, вздувшаяся на лбу вена пульсирует и ему хочется возопить к небесам. Он переоделся, взял плеер MP3 и вышел на продолжительную пробежку. Вернувшись, побрился и понял, что все еще на взводе.

– Привет, Став, пойдем выпьем, – сказал он по телефону своему лучшему другу, в то время как механически нажимал на все кнопки пульта подряд, перескакивая с канала на канал и не задерживаясь ни на одном больше, чем на полсекунды.

В баре, их постоянном месте встреч, Раз так перебрал, как не позволял себе этого уже годы. Став был вынужден выволочь его на улицу, преодолевая сопротивление, какое только может оказать пьяный человек. Если бы это зависело от Раза, он выпил бы еще. По дороге

домой он смеялся, падал и орал. Дорога домой была истинным испытанием для Става, который подумал, что стоит остаться присмотреть за другом ночью, и поэтому поднялся с ним в квартиру.

– Почему я тряпка? Почему не могу избавиться от чувства к ней? Какое мне вообще дело до нее? У меня есть что предложить, и в море еще полно рыбок! – вопил Раз, когда они поднимались в лифте и входили в квартиру. Став соглашался с каждым словом, просто молчал и подталкивал его в направлении душа. После холодного душа Раз стал гораздо спокойнее. Признаки раздражения и опьянения были еще заметны, но Став полагал, что настоящая опасность, как бы его друг случайно не покалечил себя под влиянием алкоголя, миновала.

После того, как Став уснул на диване, Раз прокрался к компьютеру и снова и снова перечитывал mail Ширы. Потом он стер его, не ответив ей. Когда на дисплее не осталось никакого сообщения, он нажал на опцию “ответить” и написал: “Я хочу освободиться от чувства к ней, я хочу выбросить ее из головы, мне надоело,” – и послал.

Утром, когда Став увидел, что Раз уже в порядке, он оставил ему большой стакан воды около кровати и вышел из квартиры.

Через два часа Раз позвонил ему и пожаловался, что испытывает невыносимую головную боль.

– О! Вот пришло еще одно сообщение на E-mail.

– Наверняка Шира хочет убедиться, что с тобой все в порядке. Ведь ты все еще не ответил ей, верно?

Раз всмотрелся повнимательней.

– Нет, просто реклама. Держу пари, виагра, средство от облысения или м-м-м... Став, я перезвоню тебе потом.

“Новинка: платомицин – уникальное лекарство от чувств! После многолетних исследований нашим ученым удалось найти формулу лекарства, которое будет регулировать твои чувства в соответствии с твоим желанием. Никакого излишнего напряжения! Никаких болей в сердце! Никакого отчаяния! Получи жизнь, какую всегда желал – хорошую и счастливую, без волнений. Нет нужды в рецепте от врача, но цена... высокая! Не откладывай, купи сейчас! По дороге домой пробка уже не будет доставать тебя!” На картинке был изображен обычный для лекарств пластиковый флакон с красной наклейкой. Автор сообщения назвался Габи, без фамилии. В рекламе был указан также адрес и говорилось, что единственная возможность приобрести лекарство – приехать на место и заплатить: через Интернет или по телефону его заказать нельзя.

Раз сомневался в подлинности средства, но не мог совладать с возбуждением от самой идеи и решил съездить туда, как только протрезвеет. Он выпил залпом еще несколько стаканов воды и снова пошел спать.

Когда он встал, ощущая лишь легкую тошноту, сразу собрался и отправился в дорогу. Место находилось в отвратном районе. Среди бродяг и наркоманов, среди грязных кошек в грудах отбросов и стен, почерневших от копоти, Раз обнаружил маленькую неприметную вывеску – “Здесь продают платомицин.” Когда он вошел, зазвенел колокольчик, как если бы это было в аптеке. Воцарившаяся в помещении тишина давила, и Раз поискал глазами того самого мистического Габи. Где-то пели “Простые песни” Шломо Грониха. Тем временем Раз находился под впечатлением от минималистского оформления интерьера: в углу – цветочный горшок, окно с плотно закрытыми жалюзи, телевизор на кронштейне и стол с компьютером. В комнате господствовал белый цвет. Из-за двери, которую Раз заметил еще прежде, раздался шум Ниагарского водопада, и оттуда вышел мальчик лет десяти, не больше, светловолосый и кудрявый, и застегнул молнию на брюках.

– Здравствуй, милый, не можешь ли ты сказать мне, где Габи? – спросил Раз.

– Это я, – сказал мальчуган и улыбнулся. Он спокойно посмотрел на Раза и протянул ему снизу свою маленькую руку. Раз с осторожностью пожал протянутую ладонь.

– Ты продаешь платомицин? – спросил он с удивлением.

– Я и только я, – ответил Габи с гордостью.

– Но ты же еще ребенок, – возмутился Раз.

– А ты взрослый, – ответил Габи с беспечностью.

Раз понял направление беседы и решил перейти к делу.

– Сколько это стоит?

– 200 долларов за 50 таблеток.

– И это действительно может повлиять на мои чувства? – спросил он еще.

– Смотрел “Алладина”? Джин правильно говорит ему, что может исполнить любое его желание, если оно материально, а здесь? Здесь наоборот: ты сможешь исполнить все, что захочешь, в духовной области, если воспользуешься этим с умом; только ты не просишь исполнения желания, а лишь принимаешь таблетки. Это тебе не рассказ о золотой рыбке или другой фантазии.

– О’кей, – сказал Раз. – И как же этим пользоваться?

– Когда ты испытываешь чувство, которое не хочешь больше никогда испытывать по отношению к определенному человеку или вообще не хочешь чувствовать больше никогда, ты принимаешь таблетку. Ты должен сосредоточиться и быть точным, потому что порываешь с этим чувством во всех подобных ситуациях или по отношению к этим людям навсегда. Это работает также, если ты принимаешь таблетку перед тем, как что-то происходит, когда ты знаешь, что это приближается.

– Как это работает в точности? – Раз добивался подробного ответа.

– Я могу попытаться объяснить тебе, но на самом деле ты не поймешь, а только будешь кивать головой, чтобы не чувствовать, что маленький мальчик понимает нечто такое, что недоступно тебе. Так что давай забудем, о чем ты спросил сейчас.

Раз сдержался от желания дать Габи пощечину и смущенно улыбнулся. Он подумал о Шире и ощутил физическую боль. Вынул кошелек и хотел расплатиться, но Габи направил его в магазин на углу обменять шекели на доллары. Вернувшись, Раз задал Габи вопрос, который тяготил его:

– Мальчик в роли продавца, пусть так, но каким образом ты представляешь фирму, имеющую дело с покупателями, когда речь идет о таком странном препарате? Я бы не удивился, если бы ребенок продавал что-нибудь банальное – сладости, игрушки, или что он пытался бы получить от меня пожертвование на борьбу с раком или что-то в этом роде. Как ты пришел к этому?

Габи взял леденец на палочке и снял обертку.

– Дети выражают чувства самым естественным образом, который только существует. Без желания или потребности владеть ими. Мы любим, кого захотим и сколько хотим, а тот, кто нет, узнает и почувствует это. Мы будем бояться до конца, и переживать, и ревновать, не чувствуя вины или раскаяния. Взрослые пытаются владеть своими чувствами и чувствами других, играют чувствами. И когда вы хотите какого-то чувства, вы хотите его здесь и сейчас. “Быстро растворимое”, лишь разогреть за несколько секунд и подать! И, понятно, что все должно быть сверкающим и красивым, как в фильмах. Вы не цените чувства в полной мере. Нет никакого чуда в том, что находятся покупатели на это средство. В моем случае можно сказать, что сапожник ходит без сапог, разве нет?

Раз был удивлен зрелым монологом, которым разразился этот мальчуган, стоявший напротив него, но лишь пожал плечами.

– Спасибо, малыш, – сказал он и забрал таблетки.

Сразу же после выхода на вонючую улицу Раз захотел попробовать таблетку в первый раз. Он подумал о Шире и Алексее. Физическая боль, сходная с самой тяжелой депрессией, вернулась. Он открыл флакон и наклонил его над ладонью. Таблетки были круглые и белоснежные. Раз сделал глоток из маленькой бутылки с водой, которая была в машине, и проглотил одну таблетку. Он не заметил ничего особенного, но когда попробовал подумать о Шире снова и восстановить эту проклятую боль, не почувствовал ничего. Он стал вызывать воспоминания об их самых прекрасных моментах: песню на змеиной тропе, первый поцелуй, продолжительные беседы среди ночи, их первую близость, запах ее духов, прикосновение ее волос. Ничего. Не было не только чувства боли, но и приятного ощущения, сопровождающего ностальгические воспоминания. С этой минуты его романтические чувства к Шире были подобны чувствам к пятидесятилетней водителнице машины, которая остановилась возле него у следующего светофора. “Достойное вложение капитала,” – подумал он про себя и удовлетворенно улыбнулся.

Раз решил навестить родителей и изменил направление движения. Короткий разговор по телефону с целью предупреждения, и мать уже склоняется над кастрюлями. Когда он вошел в дом своего детства, его встретил песик родителей, Пити. Раз не особенно любил его, но так как находился в приподнятом настроении, поднял маленькое создание и был удостоен многократного облизывания лица и шеи. Мать подошла и крепко обняла его.

– Ой, какой неприятный запах от тебя, – она поморщилась. – Спусти Пити на пол, с каких это пор ты разрешаешь ему приближаться к себе меньше, чем на метр? – Она окинула своего молодого сына испытующим взглядом с головы до ног и нашла, что он недостаточно ест. – Для этого у тебя есть я, не так ли? – Она подмигнула ему и вернулась к кастрюлям.

Он не просил, чтобы она приготовила к его приходу что-нибудь особенное, да и не было смысла побуждать ее к этому. Он любил стряпню матери гораздо больше, чем свои неудачные импровизации, и букет запахов, заполнявших дом, разбудил его аппетит. Неожиданно из-за угла в коридоре появился отец с книгой в руке, поздоровался и поинтересовался, не попал ли сын в пробки на шоссе.

Обед доставил Разу удовольствие и на некоторое время отвлек. Деликатесы матери были, как всегда, бесподобны, и это застолье дома вернуло его в более чистый, более наивный мир, когда жизненными проблемами были экзамены на аттестат зрелости и еще один прыщик на носу. С другой стороны, было общество матери. Отец гордился своим младшим сыном так же, как гордился старшей дочерью, и никогда не критиковал Раза за исключением особых случаев. Мать же, напротив, – совсем другая история.

– Ты знаешь, что Ияра выиграла дело против Динского? После стольких месяцев напряженной работы. Негодяй обязан выплатить компенсацию в размере полмиллиона шекелей! Ее даже показали в новостях: “Адвокат Ияра Палад – новая звезда на небосводе судебной системы” – так они ее называли. Я так рада за нее.

Раз тоже порадовался за сестру. Дело было изматывающим, и вначале казалось, что зацепиться не за что, но его сестра была талантлива, и Раз не сомневался, что в конце концов она справится с задачей. Он вовсе не завидовал ей, но знал, что мать неспроста рассказывает ему о новом достижении сестры. Она ничего особенного не сказала, не намекнула и не показала ни единым жестом, но скрытое послание было более чем прозрачно. Он знал, о чем мать думает про себя: “Когда мы увидим твои заметные успехи хотя бы в какой-нибудь маленькой области?” Он проглотил слюну и спросил еще о каких-то мелких деталях вместо того, чтобы зайти в тупик, из которого невозможно выйти. После этого мать рассказала об Ионатане, своем первом внуке, сыне Ияры и Уди. Он уже ходит, почти не падая. На этот раз она не опасалась сказать что-нибудь лишнее и прямо спросила, когда она сможет увидеть внуков также и от своего младшего сына. Раз ответил со всем хладнокровием, на которое только был способен, что

прежде ему нужно жениться, и быстро переменял тему, раньше, чем мать задержалась более секунды и на этой проблемной точке. Отец попытался легонько наступить ей на ногу под столом и подавал ей всяческие знаки глазами, но остановить ее было невозможно.

– А как у тебя с работой? Сколько времени ты в одной и той же должности без продвижения? – спросила она, смотря на него участливо и на первый взгляд невинно.

Раз тихонько открыл под столом флакон, вынул таблетку, незаметно проглотил ее и продолжал есть. Начиная с этого момента, он уже больше никогда не будет злиться на мать.

На следующий день, после встречи руководящей десятки Аарон задержал его, положив руку ему на плечо. Аарон был генеральным директором фирмы. В области Hi-tech, в которой рынок в любой момент меняется из одной крайности в другую, молниеносно и скачками, и где господствуют молодые, Аарон сумел удивить Раза своей эрудицией и быстрым движением вперед. В этой области большинство бизнесменов его возраста, немного за пятьдесят, были не более, чем винтиками в системе. Аарон же сумел освободиться от архаичных понятий, и искорка в его глазах никогда не гасла.

– Раз, дорогой, я приготовил для тебя небольшое испытание.

Аарон объяснил Раза, что в фирме есть проблемы и он вынужден сократить численность персонала. Он сказал Раза, что, по его мнению, тот имеет высокий статус и как таковой должен уметь управлять ситуацией, которая сложилась в настоящее время у них в фирме. Увольнение работников не должно составлять для него трудности и покажет его состоятельность, необходимую для более высокой ступени. Он дал понять Раза, что, если тот уволит Эфрат без проблем, то будет повышен.

Эфрат принадлежала к квалифицированным сотрудникам Раза. Она работала на фирме относительно недавно, всего восемь месяцев, но у нее было постоянное место в компании Раза по ежедневным совместным обедам. Эфрат была положительной девушкой, с головой на плечах, и Раз даже подумывал начать встречаться с ней, чтобы забыть о Шире, прежде чем принял таблетку. С другой стороны, перспектива продвижения была очень заманчивой как в материальном аспекте, так и в том плане, что мать оставит его в покое. Раз посмотрел Аарону в глаза и кивнул. В конце рабочего дня он проглотил таблетку и позвал Эфрат для разговора. Она тяжело восприняла не столько само увольнение, сколько отношение Раза. Прежде чем пойти собрать свои вещи, она бросила на него взгляд, полный упрека и разочарования. Легкая волна ненависти к самому себе поднялась внутри него. Тогда он проглотил еще одну таблетку. Через неделю его повысили.

Потребовалось время, чтобы привыкнуть к новой жизни. Даже когда меняют дома диван, нужно время, чтобы привыкнуть, а порвать с чувствами – тем более. Раз подумал, что выбрал правильное решение, когда встретил Шире, очень довольный ее обществом в качестве подруги, и даже начал испытывать симпатию к Алексу. На свою мать он больше не сердился, и она могла переносить свою критику новостей на другое утро без всяких усилий. Он перестал завидовать людям и чувствовал, что ему стало жить легче. Проблема была на работе: там он был вынужден выполнить еще кое-какие действия, которые обычно в его обязанности не входили, и за его спиной начались неловкие перешептывания. Друзья отделились и даже остерегались общаться с ним. Однако Аарон, всегда соблюдавший по отношению к нему определенную дистанцию, становился все более похожим на дядю, который сближается со своим повзрослевшим племянником. Раз не знал, что для него предпочтительней. Между тем он был весьма доволен новыми условиями и своим положением.

На столе стояли заготовленные бутылки пива, телевизор был настроен на спортивный канал, и с минуты на минуту должен был прийти Став с семечками. Мадридский Реал против Барселоны – наиинтереснейший футбол. Звонок в дверь, пожатие рук, обоюдные улыбки, и игра начинается.

– Ну как, ты выкинул Ширу из головы, а?

– Хм... Что? Да... Да.

Раз взял горсть семечек, не отводя взгляд от экрана.

– И есть продвижение на работе – я бы сказал, что для тебя наступила светлая полоса, – снова попытался Став начать разговор.

– Да, да, я доволен.

Раза не привлекала перспектива легкой беседы на фоне игры. Став не мог вытянуть из него более четырех слов. Игра была действительно интересной (ничья 2:2), и в конце ее оба старых друга спокойно сидели возле кучи шелухи от семечек и нескольких пустых бутылок из-под пива. Став не планировал этого сначала, но чувствовал, что атмосфера подходящая.

– Раз, я должен рассказать тебе кое о чем. Уже несколько лет я чувствую, что надеваю на себя различные маски, что, наверное, пришло время снять их. Я заглянул внутрь себя, испробовал разные вещи и многое передумал. Мне хотелось быть уверенным, что я не просто составляю досье в отношении себя – сегодня я знаю, каков мой путь. Раз, – он посмотрел своему верному другу в глаза, весь – сама надежда, что его сообщение будет принято в наилучшей форме, – меня влечет к мужчинам.

Раз почувствовал, как все слова улечиваются из его головы. Он никак не ожидал этого. Свое собственное неприятие гомосексуализма он всегда старался скрыть, так как не желал прослыть нетерпимым и невежественным. И он задал несколько вопросов по сути дела, пытаясь сохранить на лице непроницаемое выражение. Через пару минут он направился в уборную и проглотил там таблетку.

Ионатан взобрался на Раза, который поднял его в воздух, вызвав у малыша беззубую улыбку. У его племянника были светлые вьющиеся волосы, как у детей на рекламе подгузников, и натуральный запах грудного младенца. Это происходило в пятницу в полдень: Раз был приглашен к сестре на обед. Где-то слушали диск рок-группы Radiohead.

– Ты вставила этому Динскому, а? – спросил Раз с гордостью младшего брата.

– Знаешь, я сделала, что смогла, – ответила Ияра, и выражение ее лица сказала все. – Мама, наконец, отстала от тебя, нет? После твоего повышения и при дружеском отношении к тебе Аарона она уже не должна интересоваться даже новой девушкой, чтобы и без того быть довольной тобой...

Ияра, как и ее брат, ненавидела предпочтительное отношение к себе матери и всегда хотела, чтобы мать вела себя с ними одинаково. Они говорили об этом открыто, и Уди, ее муж, который стал хорошим другом Раза, был знаком с системой их семейных отношений наилучшим образом.

– Пришло время получить от нее немного кредита вместо кислой физиономии, – сказал он громко и заключил свои слова, с силой хлопнув его по плечу.

Поддержка, которую Раз получил от сестры и зятя, только добавила ему ощущения эйфории, которое он испытывал с тех пор, как начал принимать таблетки. Он чувствовал, что порой то тут, то там совершал ошибки и что были случаи, когда он поступал слишком опрометчиво, но он все время говорил себе, что выбор в его руках и он всего лишь человек, который ошибается, как всякий другой. С другой стороны, Раз также чувствовал, что он меняется. Дело было не только в том, что он избавился от определенных эмоций, но и в его характере, который формировался в течение многих лет и оставался уже долгое время неизменным, а теперь начал меняться кардинальным образом. Он чувствовал, что превращается в другого человека и что

не властен над этим. В итоге, анализируя сложившуюся картину, он до сего времени оставался доволен своим выбором.

Последовательность его мыслей была прервана телефонным разговором с Широй. Она рассталась с Алексом, была очень грустна и хотела увидеть Раза как можно скорее. Если бы в свое время он не проглотил таблетку, он бы все бросил и помчался к ней, но так как он видел в ней сейчас хорошего друга и не более того, то приехал только через час. Шира открыла ему дверь, одетая в тренировочный костюм, и крепко обняла его. Она вскипятила воду, и теперь они сидели за чашкой кофе и восстанавливали события. Алекс слишком сосредоточен на себе самом, он не романтик и только берет, ничего не давая, у него слишком много претензий к ней, и вообще они пришли к выводу, что они совершенно разные люди. Этим утром все закончилось некрасивой ссорой, и Алекс уже успел упаковать немалую часть своих вещей. Шира не выглядела особо грустной. Она казалась умиротворенной и спокойной. Раз также увидел на ее лице знакомый намек, но в намеках не было нужды, так как она быстро перешла к главному.

– Что ты скажешь, не попытаться ли нам вернуться к прежнему? – спросила она, и глаза ее раскрылись, как у теленка. Как будто они расстались при совершенно других обстоятельствах, как будто она не была с другим всего лишь несколько часов назад. Раз был ошеломлен. Он не брал в расчет такую возможность, когда покончил с чувствами к ней. Он молча вглядывался в лицо любви всей своей жизни, но это молчание не могло длиться вечно. В голове всплыло “I wish I was bullet proof...” группы Radiohead с обеда у сестры.

– Не знаю. Я должен подумать.

– О чем тут думать, сладкий мой? – спросила она и положила руку на его бедро. – Ты знаешь, что я никогда не любила никого так, как любила тебя? Знаешь, как я злилась на себя и говорила себе, что Алекс не стоит этого и что я совершила огромную ошибку? Только сейчас я поняла, что все еще люблю тебя. Я хочу, чтобы мы были вместе.

Раз хотел сказать ей “да”. Во всяком случае он знал, что должен был хотеть. В тот момент он не чувствовал ничего, кроме замешательства. Он не мог вернуть свои чувства к ней и знал это. Она была слишком важна для него как друг и как человек, чтобы напрасно обнадежить ее и вернуться к прежним отношениям, но без любви. На мгновение в его мозгу мелькнула мысль растолочь ей таблетку платомицина в кофе и разрешить таким образом проблему для них обоих. Однако уже через минуту он отбросил этот вариант и понял, что не может играть роль Б-га: достаточно того, что он себя вовлек в эту неприятную историю.

– Это не так просто, – сказал он наконец и не захотел больше ничего добавить. Он придумал какой-то предлог, обнял ее и уехал домой.

После бессонной ночи Раз надеялся, что рутинный рабочий день прояснит его позицию и он сможет подумать о разрешении проблемной ситуации с Широй. Именно в тот день он понял, насколько ненавидели его на работе и что отчуждение по отношению к нему достигло крайней степени. Внезапно до него дошло: он понял, что его друзья не перестали обедать вместе – его просто больше не приглашали. Люди, которые были с ним с самого начала его пути, избегали смотреть ему в глаза. Иные отделились от него и лишь надеялись, что он сам вскоре покинет их компанию. Новым сотрудникам в рамках ознакомления с местом работы, так он понял, с самого начала рассказывали о нем нелицеприятные вещи. Единственными людьми, не видевшими в нем врага, были Аарон и непосредственный начальник Раза, но с ними он все еще не ощущал свое положение стабильным и обнадеживающим.

Мысли о раскаянии не оставляли его в течение всего дня. Со стороны Раза, казалось, выполнял работу, как обычно, но внутренне он находился на пороге срыва. Он был не в состоянии хоть минуту усидеть на месте спокойно и все время находил себе дела даже в периоды

затишья днем. Он знал, что действие таблетки необратимо, и все-таки поехал повидаться с Габи. На вывеске в заброшенном районе корявым почерком было добавлено два слова, и теперь она гласила: «Здесь уже не продают платомицин».

«Ты никогда не думал серьезно о сути явлений, – сказал он сам себе. – Уже много лет тебе говорили об этом – в школе, в армии, на работе, мама, отец, Ияра, Уди, друзья. Ты торопишься с выводами и принятием решений без попытки проанализировать и обдумать план действий. Верно, это происходит спонтанно и указывает на то, что ты идешь на поводу у эмоций и делаешь обычно то, что тебе диктуют чувства, а это, в свою очередь, говорит о том, что ты все время совершаешь ошибки. Так вот: пришло время, когда ты сделал ошибку, в которой действительно расквасишься, или даже несколько таких ошибок». Он принялся анализировать события путем сравнения, используя воображаемые весы, которые мысленно установил в голове. Он продвинулся на работе, и его экономическое положение улучшилось. С другой стороны, он обидел Эфрат и после этого не допустил даже возможности испытать угрызения совести. Он больше никогда не будет сердиться на мать. Так он почти не обидит ее, но до каких пор это естественно – скрываться под маской перед одним из самых близких тебе людей и не быть самим собой? Может быть иногда нужно немного рассердиться? Чтобы точно знали, каково тебе? Он дал Ставу возможность поделиться самым сокровенным, и это был плюс. Лучший из случаев, когда он решил воспользоваться таблеткой. Он заметно изменился. Был растерян, как будто не узнавал себя, и нужно было время, чтобы освоиться с этим. Он был не в состоянии предвидеть своих шагов, и это было смешно. А что хуже всего – он потерял Ширу и поставил крест на жизни, о которой мечтал, – жизни с Широю, которая в его грезах всегда была неотъемлемой частью такой жизни. Отрицательная чаша весов пошла книзу так резко, что все соображения, положенные на положительную чашу, взлетели в воздух, прочь с весов.

Раз вглядывался в зеркало и не узнавал себя – он выглядел слабым и хилым, глаза – словно не закрывались несколько месяцев, плечи опущены, несколько седых волос добавилось с утра. В досаде он безуспешно пытался их выдернуть. Изменившись внутренне, он изменился и внешне. Он подумал о Шире, любви своей жизни, которую так хотел полюбить снова, но напрасно старался воскресить в себе это чувство. Он страстно желал вновь испытать ту физическую боль, которую ощущал, когда она была далека от него, чтобы знать, что он неравнодушен к ней. Владение своими чувствами превратилось в нечто рационалистическое – он вбил себе в голову, что именно этого он должен хотеть, потому что без чувства он не знал этого с достоверностью. Он не хотел больше встречаться с женщинами и искать другую любовь. Таковую, как Шира, он больше не сможет найти. Свою реальную возможность он упустил. В отчаянии Раз пнул ногой мусорную корзинку в ванной комнате. Он злился на себя, но ему было трудно сосредоточиться на самокритичных мыслях, из-за того что он избавился от ненависти к самому себе, когда увольнял Эфрат, а в других ситуациях покончил с иными чувствами, которые заставляли его проверять себя зрелым и объективным образом. Он глубоко страдал, хотел вернуться назад во времени и отказаться от таблеток. Раз вынул маленький пластиковый флакон из сумки и собрался выкинуть его из окна или высыпать все его содержимое в уборной, но почувствовал, что сделать это не в силах. Чувствовал, что пристрастился и неспособен порвать с платомицином несмотря на то, что знает, как он вредит ему. Он не мог смириться с мыслью, что это средство больше не будет находиться в его распоряжении, боялся рискнуть. Он был бессилён и не знал, что делать.

Дело № 934213315. Царствие небесное. Против ангела Габриэля.

– Опять ты со своими глупостями, Габи? – воскликнул Всевышний.

Ангел Габриэль потупил взгляд, опустил голову и переступал с ноги на ногу.

– Прости.

– Что прости? Ты что, обычный человек в Судный день? Таких вещей не делают без моего разрешения! Это дерзкий и наглый проступок против правил. Именно в то время, когда в твоём поведении стала проявляться тенденция к улучшению. Я подумал, что подобные твои выходы остались в прошлом.

– Прости меня, Высокочтимый. Я не мог удержаться.

– Ты ангел, Габи. Ты знаешь, что я ожидаю от тебя большего, – Всевышний впери́л в него небесный взгляд, полный гнева. – Ты и сам должен быть разочарован своим поведением. Как тебе вообще удалось проникнуть вниз так надолго, чтобы я не обратил на это внимание?

– Тебя отвлекла война в Ираке, Господин мира. – И добавил в попытке смягчить:

– Я успел побыть там всего один час, Господи, это не было серьёзной провинностью.

– Зачем ты сделал это, Габи? – спросил Б-г несмотря на то, что отлично знал ответ.

– Я хотел помочь ему. Я не знал, что это разрастётся до таких размеров. Я не мог совладать со всем этим.

Всевышний не был удовлетворён. Он продолжал сверлить Габи взглядом, вызывающим у того муки и чувство вины.

– Я хотел ещё больше возвеличить Твое имя и показать ему, как он мал напротив Твоего безграничного могущества и что ему нельзя пытаться властвовать над вещами, над которыми он не должен властвовать, – ещё раз попытался оправдаться Габи.

– Лечь тебе здесь не поможет. И кроме того, он должен управлять эмоциями или хотя бы попытаться. Есть даже заповедь, в которой говорится об этом. Просто он не должен делать это с твоей помощью, непропорциональной и поднесённой ему на тарелочке с голубой каемочкой.

Габи заламывал пальцы и избегал взгляда Всевышнего. Б-г заглянул в записи предыдущих судов и поднял молоток.

– Я присуждаю тебя к 70 – ти годам на облаке номер 51513402. Я хочу, чтобы ты был ангелом-хранителем Пэрис Хилтон. Это пока. До завтрашнего утра я найду ещё множество людей, за которыми поручу тебе присматривать, и со временем добавлю ещё.

Протестовать Габи не мог. Он понимал, что заслужил это. Без какого бы то ни было скрытого умысла подсластить пилюлю, прежде чем начать нести наказание, он высказал последнее предложение:

– Ты хочешь, чтобы я вернул положение к первоначальному, Высокочтимый?

– М-м-м... нет. Он получил по заслугам.

Маленькое примечание по поводу выбора названия “платомицин”. Окончание в нём – это окончание, распространённое в названиях лекарств. Начальная часть – от слова “плато”. Платон – греческий философ, с именем которого связывают понятие “платоническая любовь”.

Хаим Нахман Бялик

Как велика...

О как велика, как бездонна тоска
На столь изобильной, открытой земле,
Земле, отдающей нам все, но пока
Покоя не можем найти мы нигде.

От нас ничего земля не утаит,
Напротив, для нас все готовит,
Но, как ишаков, здесь нас поработит,
Безжалостно в сети заловит.

Не даст утомленной душе, что болит,
Мгновения для наслаждения
И сердце уставшее не утолит
Спокойствием уединения,

Чтоб там оглядеться, хоть миг отдохнуть
И плод труда благословить,
Что служит нам платой за пройденный путь,
Надежду дает там прожить.

Но нет ни единого здесь уголка,
Чтоб душу связать с ним надежно,
И где хоть одно из чувств наверняка
Найти свою гавань в нем сможет;

Где колышек свой мы с надеждой вобьем,
Устойчивый, прочный, надежный,
И скажем: “Искали – нашли здесь свой дом,
Спокойно прожить мы в нем сможем!”

Приветствие “Мир тебе!” не прозвучит,
Не будет в том месте никто тебе рад,
И камни внизу, и вверху небеса
Над твоей головой отстраненно молчат.

Как каплю бесследно поглотит река,
Затеряемся мы в миллионной толпе...
О как велика, как безмерна тоска
На столь изобильной, открытой земле!

На исходе дня

Между тучами огня и крови
Опустилось солнце к самой кромке моря,

Пробиваются лучи его сквозь тучи,
Словно копья армии могучей.

Оросило воздух чистым светом,
Одарило чаши огненным приветом

И над рощами сиянье разлило,
Воды рек расплавленным огнем зажгло,

Золотом холма вершину затопило
И колосья в поле светом окропило,

И, склонившись, с уходящим днем простилось,
И, живое, в устье бездны опустилось.

И тогда весь мир объяла тьма —
Ночь идет, спускается с холма.

Легкий ветерок впорхнул, подул и отступил,
И поцеловал меня, и тайну мне открыл,

Он прошелестел: “Наивный, слушай же меня.
Как луч света на исходе дня,

Мальчик милый, молодости дни
Мигом улетят, как птицы, и они.

Здесь все мерзко, гнусно, безобразно,
Есть другой мир: весь он словно праздник,

Луч благословенный, светлый уголок,
Солнце – справедливость в нем, свобода – ветерок.

Там и для тебя, и для себя нашел я место —
Встань, сын мой, и воспарим, и полетим мы вместе!

Нет, не здесь успокоенье, улетай отсюда... ”
Почему же сердцу моему так худо?

Кто же, сердце, на тебя набросил тайно так
Тень, тьму вечности и Б-жий мрак?

Отчего сердито ты и чем удручено —
Есть пространство Б-жие, но тесно для тебя оно.

Или, может, мочи больше нет
Наблюдать, как тьма одолевает свет?

Что же это за мечта и что за боль
На исходе дня приходят исподволь

И доверчивое сердце в плен берут,
К краю моря и к пределам вечности влекут?

Динь-дон

Динь-дон – и нет ее, динь-дон – она ушла,
Динь-дон – и все в своей котомке унесла.

Любимая, зачем же так поспешно ты ушла
И сердцу моему сказать и половины не дала?

Как жаль! Ведь раньше времени разлука наступила,
И с уст моих еще не сорвалось то слово, что там было,

То слово, что вынашивал я в сердце месяцами,
И вот оно готово, но еще не сказано устами.

Вдруг ты сказала мне: “Прощай, мой дорогой!” —
Щелчок кнута, шум колеса – и нет тебя со мной.

Лишь пыль взметнулась – ты летишь, ты далеко,
Уже с зеленой рощей поравнялась ты легко,

И, словно крылья аиста, среди ее ветвей
Мелькают крылья белые косыночки твоей.

И вот уж из-за рощи, по ту сторону пути
Насмешкой голос колокольчика звенит:

Динь-дон – и нет ее, динь-дон – она ушла.
Динь-дон – и все в своей котомке унесла.

Варда Резиаль Визельтир

Жребий Ксантиппы

(Из сборника «Первые рассказы» под редакцией Рут Барли)

Все поколения ненавидели Ксантиппу, злую жену Сократа. Слово «Ксантиппа» превратилось в синоним склочной, требовательной супруги, которая не понимает своего мужа и преследует его.

Однако пытался ли кто-нибудь подумать о ситуации с точки зрения самой той злой женщины? Представьте себе, что чувствовала Ксантиппа, когда ее супруг гулял на рыночной площади, останавливая молодых людей для беседы и задавал им «сократовские» вопросы. В то время, как ее дети играли, босые и грязные, просили конфету или мороженое – а ее кошелек был пуст.

Легко догадаться, что Ксантиппу весьма раздражало, что ее муж не приносит домой хлеб, не заботится о детях, а посвящает свое время чужим людям. Можно предположить, что, когда Сократ возвращался домой, эта женщина устраивала ему скандал, почему он не разговаривает с ней и со своими детьми? Почему он не учит их читать? Почему он предпочитает диалог с чужими беседе со своими домочадцами? В то время, когда весь мир восхищался Сократом, который готов был выпить стакан яда, у Ксантиппы была веская причина выходить из себя от непреодолимого гнева – что это: просто так, человек идет и превращает свою жену во вдову и своих детей – в сирот? Как, он покидает этот мир, не посвятив семье ни единой мысли? Если бы жена и дети были хоть немного важнее для него, быть может, он все-таки воспользовался бы возможностью спасти свою жизнь?

Почему мы снова вспоминаем о Ксантиппе? Мы и сегодня сталкиваемся с ней снова и снова как с «женой художника», «женой мыслителя», друзья которого в достаточной мере ненавидят ее и видят в ней препятствие для его духовного прогресса. Она досаждала его поклонникам. Ее главный грех в том, что она существует! Она не в состоянии понять, почему он должен множество раз влюбляться (в других), находить массу времени вне дома или отсутствовать «по делам».

В большинстве случаев – она женщина, которая с горечью вынуждена решать одна все проблемы по содержанию семьи, ведению домашнего хозяйства и денежному вопросу. Общество ждет от нее, чтобы она принесла себя в жертву. Поэтому неудивительно, что она превращается в горькое создание.

Судьба Ксантиппы ожидает многих женщин, бывших когда-то очаровательными цветами и вышедших замуж с закрытыми глазами за мыслителей и гениев. Эти женщины достойны немного большего понимания и теплого отношения.

Орли Кастель-Блюм

(От переводчика:

В ее рассказах реальность переплетается с фантазией, вдруг происходит абсурдный поворот в реальном событии. Как будто это происходит во сне. Часто финал рассказа не ясен, и читатель волен поразмыслить над концом самостоятельно. И еще мне кажется, что большинство ее рассказов об одиночестве среди людей.)

Сценарист и действительность (Из сборника «Новый рассказ»)

Некий довольно известный в своем кругу сценарист, который обычно писал сценарии получасовых фильмов, задумал написать классический сценарий, широкое эпическое полотно. Он полагал, что это будет фильм часа на три, да еще и на иврите, что примерно соответствует шести часам на английском языке или долгим девяти часам на одном из диалектов какой-нибудь деревни в далекой Финляндии.

Он чувствовал в себе потенциал для создания такого полотна, чувствовал, что это должно быть нечто из прошлых лет, как подобает эпосу. Можно и желательно вернуться хотя бы лет на восемьдесят назад, ведь смотреть эпос на современный сюжет – скучно, а сценарист не хотел скуки, он жаждал дышать полной грудью и дать возможность так же дышать и другим.

Будучи израильтянином, обладателем израильского удостоверения личности, законного и со всеми указанными в нем точными сведениями, сценарист обратился к событиям из жизни своего народа, еврейского народа, разумеется. Блеснувшая практическая идея привела его к началу текущего столетия², к первым дням сионистского заселения Палестины. Он хотел сделать что-то, связанное с этим движением, монументальное полотно о нем, о женщинах и мужчинах в одеждах того времени, но разговаривающих обыкновенно, хотя и слишком много. Ему захотелось поведать о первых днях еврейского ишув³, написать о группе людей с высокими идеалами, описать то, о чем читают в брошюрах: любовь, ненависть, страсти, разгоревшиеся в период осуществления идеалов пионеров заселения. Сообразуясь со своим ощущением реальности, сценарист понимал, что должен взять две семьи и привести А из семьи А к браку с Б из семьи Б и на пути к нему ввести в сюжет все коллизии, какие только можно втиснуть в три часа. Он знал, что началом его фильма будет знакомство двух детей на корабле, а закончится он свадьбой. У него возникла идея: незадолго до свадьбы, они делают это в амбаре, в поселении Реховот. Помимо этого у него были намечены очень общие сюжетные линии, пока лишь пунктирные, но он знал, что наполнит весь свой материал хорошими диалогами, остроумными и исключительно достоверными. Он чувствовал, что сможет! Сценарист прочитал множество книг о начальном периоде заселения, как говорится, перелопатил материал. Набрасывал заметки, открывал и закрывал папки, в которых он собирал детали и заносил мысли в виде тезисов для нужд нелегкого начального этапа построения образов.

И вот тогда-то случилась очень неприятная вещь.

Сценарист забыл загасить сигарету, и с этого момента все развивалось стремительно. Он забыл о горящей сигарете и отправился к морю, а когда вернулся, обнаружил пожарных, занимающихся его домом. Он стоял на улице Буграшов, всматривался в глубину одной из маленьких улочек, на которой жил, и думал о своих материалах, обо всех материалах, которые с усердием собирал в течение полугода, о пожираемых огнем заметках и планах, которые набрасывал для образов главных героев.

Невозможно описать, какую ярость, какую обиду почувствовал сценарист перед лицом реальности. И хотя именно он не погасил сигарету, хотя это была его небрежность, однако, подумал он, не было таким уж преувеличением ожидать, чтобы эта сигарета сама погасла внутри пепельницы, а не упала назад и не подожгла бумаги на столе. Он подумал, что это нахальство со стороны сигареты, что она не дождалась его и не догорела немного медленнее, в то время как он плавал себе в море. Он подумал, что это в высшей степени безобразие –

---

² Рассказ написан в конце XX века

³ Ишув – поселение (иврит); принятое в израильской литературе название еврейской общины в Палестине до создания государства Израиль в 1948 году

безразличие этой сигареты после того, что именно он зажег ее и дал ей жизнь, – так уничтожить его эпос, все записи и стрелки, которыми он обозначил, кто кого ненавидит и что мешает вследствие этого одному прийти к другому, и как он стремился привести зрителя к катарсису, продвигаясь к эмоциональной развязке в конце.

Сценарист приблизился к своему покрытому сажей дому машинальным шагом человека, который пытается освоиться с мыслью, что шесть месяцев работы пропали даром и что даже шестьдесят месяцев не вернут ему его первоначального варианта. Непонятно, замечали ли его люди на улице или нет. Или да. Неясно. И когда он вплотную подошел к трехэтажному дому, он внезапно впал в беспамятство. Он забыл, где живет. Ему никак не удавалось вспомнить, живет ли он на правой стороне или на левой. Это называют «black out». Он видел закопченные лица начавших выходить пожарных в касках и пластмассовые жалюзи, расплавившиеся от жара, но все еще не мог вспомнить. Лишь увидев четырех человек, выносивших из его подъезда два трупа, он понял, что с его сценарием ничего не произошло, и в силу этого ничего не случилось и с его набросками образов, и со стрелками, указывающими, кто кого любит, ничего не произошло, и что лишь это реальность.

Сценарист, который не знал, где ему спрятаться (Из сборника «Новый рассказ»)

Некий сценарист откликнулся на просьбу знаменитого продюсера разработать для сценария появившуюся у него идею. Причиной этого шага были родственные связи между ними и кругленькая денежная сумма, которой наделил его продюсер. И вот суть идеи, которую согласился развить сценарист:

Две женщины, одна из периода времени a (продюсер сам не мог сказать толком, какого), а другая из периода b (это «наше» время, как сказал он), встречаются в какой-то точке времени периода c (продюсер не знал, что это за время c) для достижения общей цели xuz . Между обеими женщинами, пришедшими из двух разных периодов времени, на пути к цели xuz завязывается «замечательная дружба». В конце, после того как они спасают q , u и w от смерти и других катастроф, которым те предпочли бы смерть, обе женщины возвращаются каждая в свое время и продолжают вести обычный образ жизни вплоть до дня смерти, который, по словам продюсера, будет последним кадром фильма: эта умирает, и та умирает, и так все заканчивается. Продюсер считал, что идея разрушить временной барьер очень удачна, и после того, как сценарист закончил работу, продюсер еще больше помешался на сценарии и решил снять по нему фильм, а вот с этим сценарист просил повременить.

В глубине души он знал, что ему не удалось разрушить барьер времени, и даже если он и «нашел», о каких периодах идет речь и кто они – действующие лица, он понимал, что на экране это не пройдет. И что еще хуже, зрители не поверят фильму; только американцы умеют делать такие вещи (в определенных условиях также и французы), но втереть еврейскому зрителю еврейские штучки – этот номер не пройдет.

Он изобразил, будто вся эта черная дыра имеет место в мозгу ученого в институте им. Вейцмана: тот хочет поставить эксперимент (почему только ученым можно проводить эксперименты, почему?) и оказывается вовлеченным в галлюцинацию, которая и составляет суть фильма.

У него не было недостатка в фильмах, чтобы почерпнуть из них приемы, и продюсер подумал, что то, что хорошо для 250 миллионов говорящих по-американски, подойдет и для 5 миллионов «израильтянцев». Увы, он ошибся и был раскритикован в газетах в пух и прах. Публика, как говорится, «делала ноги» из кинозалов, а те немногие психи, что оставались внутри, были другие сценаристы, которые пришли, чтобы выразить ему солидарность или сочувствие его глупости.

– Мне неприятно, – признался ему один, – но на твоём месте я бы сжег этот фильм.

– Мне жаль, – говорил другой. – На твоём месте я бы покончил с собой или что-нибудь в этом роде.

– Досадно, – сказал ему друг детства. – На твоём месте я бы уже в самом начале отказался браться за эту работу. Переходы во времени непостижимы, и твоя попытка отнести к ним просто как к чему-то, само по себе происходящему, – оскорбление интеллигенции. Единство времени, места и действия, все остальное – шарлатанство!

Сценарист слушал и не знал, куда ему деваться. «Как же я оскандалился, – думал он. – Как оскандалился, Б-г мой, я этого не выдержу».

Он ходил по изменившим ему улицам и не знал, куда ему спрятаться. Он поехал в Иерусалим и не знал, где ему спрятаться. Поехал в Нагарию и не знал, где укрыться. Отправился на вечеринку, чтобы забыть все и отвлечься, и встретил там девушку, которая сказала ему:

– А я думала, что Вы не знаете, где Вам спрятаться.

– Верно, – сказал сценарист, – я действительно не знаю, куда мне спрятаться.

– Давайте я покажу Вам, – сказала ему девушка.

- Что? – переспросил сценарист.
- Где Вы можете спрятаться.
- Ты на самом деле знаешь, где я могу спрятаться?
- На сто процентов.
- Я должен взять с собой что-нибудь?
- Сумку через плечо и рюкзак разума, – сказала девушка.

Они назначили место и время встречи на завтрашний день. Девушка пришла на назначенное место. Ее можно было увидеть уже за пять минут до условленного времени, и сценарист, заметив ускоряя шаг, появился из боковой улочки.

- Надеюсь, я не опоздал, – сказал он.
- Пойдемте, – сказала девушка.

Она подвела его к машине «альфа-33» восьмидесят восьмого года, и они тронулись с места. “Это внутри города?” – спросил сценарист, но девушка не ответила, и его разобрано любопытство. Они проехали 550 километров, далеко-далеко за пределы города, доехали почти до Эйлата, но, разумеется, не въехали в него, а остановились в самом сердце пустыни.

– Ого, а здесь классно, – сказал сценарист, вглядываясь в окружающие их горы с их библейской и геологической мощью. – Я потрясен, никогда не видел ничего подобного вот так.

- Хорошо, пока, – бросила девушка.
- Что, здесь? – удивился сценарист.
- Да, почему нет?
- Когда приедешь за мной? – спросил он.
- Когда-нибудь, – сказала девушка и села в свою «альфу-33» восьмидесят восьмого года.

Воцарилась пустынная тишина, тишина вне времени, непреходящая тишина вечности. Там не было ни одного предмета, даже похожего на пластик. Он пошел и по мере того, как шел, понял, что должен был начать свой фильм с какого-нибудь пустынного места, что пустыня скрывает в себе множество тайн, и все, что выйдет из нее, будет выглядеть самым обыкновенным в мире. Он понял, какую глупость сморозил, что изменил пустыне, попытавшись создать что-то логичное.

«Какой же я был дурак», – сказал себе сценарист и уселся на никому не нужный камень.

Он не знал, что он еще больший дурак, чем ему казалось. Не знал, что он окончательно чокнутый. Никто не придет забрать его отсюда. И вдобавок ко всему он оказался таким глупцом, что удалился от шоссе и заблудился. Несколько дней он сумел продержаться благодаря разным ящерицам, которых ему удавалось поймать, и скудному запасу воды, что был у него в рюкзаке, но после этого пустыня поглотила его, возможно, оттого, что он не отнесся к ней с должным уважением.

О девушке с “альфой”: “альфа” вообще была краденой, а девушка – с “поехавшей крышей”, и она вовсе не была сценаристом, а если бы была, уж, конечно, не сделала бы ничего подобного. Она пыталась писать сценарии, но у нее не пошло. Она описывала интерьер. Улицу. День. Вместо образов. Комнату Мошико. Ночь. Поэтому она не стала сценаристом. Сказать по правде, она вообще не имела отношения к этому времени или к любому другому, what so ever.⁴

---

⁴ what so ever – это уж точно (англ.)

На маленьком огне *(Из книги «Недалеко от центра города»)*

СЕДЬМОЙ телефонный звонок в тот шабат был мамин. Она хотела согласовать со мной, в котором часу точно мы приедем к бабушке, чтобы ребенок не простудился в дороге. Первый и третий звонок тоже были ее. Мы уже решили, что самое удобное время – двенадцать часов пополудни, но она хотела еще сказать, чтобы мы не забыли надеть ребенку синюю шерстяную шапочку, связанную тетей. Михаль считала, что полдень – действительно удачное время, так как можно будет уйти в час и весь день еще будет в ее распоряжении. Во всяком случае она не хотела даже и слушать о возможности пообедать там.

Мне и не нужно было больше, чтобы понять, что Михаль меня уже не любит. Уже несколько месяцев я подозреваю, что ее не интересует моя боль, которую я испытываю из-за того, что у меня нет рок-группы, несмотря на то что у меня неплохой голос и музыкальные способности. И еще она отводит глаза, когда я разговариваю с ней. Отсутствие интереса ко мне она ясно проявила еще во время брит-милы⁵, ну и на вечеринке, которую мы устроили для всех друзей после этого события. Два года тому назад я хотел основать рок-группу, и у меня даже была определенная сумма денег, полученная в наследство, которой мне могло хватить на организацию и на все остальное, но дело лопнуло, потому что Михаль сказала, что у меня нет продюсерской жилки и очень сомнительно (в действительности не так уж), есть ли у меня задатки рок-певца; вместе с тем она признает, что у меня есть голос, но я не развил его и все потеряно, так как мне уже почти тридцать (мне двадцать пять лет и восемь месяцев) и не стоит оставлять работу, которую я ухватил в книжном агентстве.

Расстояние между нашим домом и бабушкиным около 10 километров. Семь минут максимум – приемлемое время, чтобы проехать этот путь в шабат, когда нет дорожных пробок (они есть, но в другом направлении – к морю). У нас это заняло больше двадцати минут. Возможно, потому, что нам хотелось, чтобы дорога была длиннее, чтобы моя бабушка жила в Хайфе, например.

Я включил приемник на «Коль а-шалом»⁶ и сделал еще один круг, чтобы удлинить путь. Какая музыка! Я вслушивался, и мое сердце уносилось ввысь. К сожалению, без всякой цели и без того, что я с этим что-либо сделаю. Увлечшись, я рассказал Михаль о своем плане относительно диска. Она слушала. Я не уверен, что это ей интересно, но рискнул: прочитал ей слова новой песни, которую написал, и она сказала, что звучит красиво, но это кажется ей знакомым. Я вжался в водительское сидение, повернул направо, к бабушке, которой почти восемьдесят и она совсем сморщенная, но это ведь не моя вина, что она родила и вырастила пятерых детей и один их них – мой отец. Я объяснил Михаль особенности сочиненной мною песни, и она признала, что замысел отличный, но он уже не актуален. Это первое. И второе: я не сумел реализовать в песне и четверти из того, что сказал ей. Я спросил ее, есть ли у нее идея, как реализовать это лучше, и она ответила, что нет. Что если бы у нее была идея, она не была бы тем, что она есть – домохозяйкой и все, согласен ли я с ней?

Я кивнул и подумал, что в лучшие дни, если таковые настанут, она вся будет поглощена уходом за малышом, потому что выбора нет, и моральной поддержкой мне, потому что я нуждаюсь в поддержке на протяжении всего пути – по-другому продвигать дела я не способен.

---

⁵ брит-мила – обряд обрезания (иврит)

⁶ «Коль а-шалом» – «Голос мира» (иврит)

По приемнику передавали песню израильской рок-группы. Я спросил себя, чем я хуже их. Вслушался в слова. Какая-то бессмыслица. Музыка была подражанием мелодиям английской «Новой волны».

«Идет дождь,/ на город льет дождь,/ да, на город в сером/ льет дождь,/ извините, это снег,/ фантазия и реальность,/ фантазия для бегства,/ это все, что мне нужно,/ простите, если я обидел старую женщину, что продает сигареты».

Я сказал Михаль, что слова в песне плохие.

Михаль возразила, что, по ее мнению, песня удачная.

Если так, я назову группу, которую создам, «Барабаны из змеиной кожи».

ПРИВЕТ, крикун! Как может быть иначе? Это то, что мы услышали от моих родственников при виде розового младенца через минуту после того, как вошли в дом моей бабушки. А после этого все сразу сошлись на том, что он удивительно похож на бабушку в пору ее молодости. Михаль выглядела до смерти скучающей. Бабушка взяла малыша на руки, и Михаль напряглась. Я думаю, от страха, что та уронит ребенка. Она словно приклеилась к бабушке на все время, пока та держала малыша, и повсюду следовала за ней.

Там были по крайней мере человек двенадцать и еще большая фотография моего улыбающегося отца. Дани, мой двоюродный брат, сидел на веранде и слушал песню «Help» битлов, льющуюся из радио. В отдельных местах он подхватывал и пел вместе с Маккартни, и я слышал, что он фальшивил. Отношения между нами, бывшие еще несколько лет тому назад прекрасными, поостыли, и сейчас он считает меня полным нулем. Но и я тоже думаю, что он неудачник во всем, что связано с самореализацией и с уступками, которые он делал, пока сделался тем, чем стал – маленьким, серым программистом.

И в этот момент я сочинил песню.

«Бомба падает на город:/ Это гриб спускающегося парашютиста. / Парашютист смеется и говорит:/ Я солдат артиллерии». Название песни «Парашютист», и я полагаю, что это анти-военная песня.

В левом углу комнаты сидела тетя. Несмотря на то, что у меня есть еще пять, или шесть, или семь тетей, она единственная и неповторимая тетя, и она действительно та истинная мотивация, ради которой я пишу сегодня, 25 мая тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, все, что тогда произошло.

– Здравствуй, Эхуд, – сказала она мне, – ты выглядишь в полном порядке.

Вероятно, она имела ввиду мою прямую осанку или что-нибудь в этом роде.

– Спасибо. Как поживаешь, тетя?

Михаль рассказывает моей матери, сколько весит малыш и достаточно ли у нее грудного молока. Остальные тети удивляются его недельной прибавке в весе в граммах и спорят, что лучше, материнское молоко или коровье. Перечисляются достоинства и недостатки того и другого. Михаль соглашается с обеими сторонами, однако я знаю: она считает, что для ребенка лучше всего материнское молоко и что спорить на эту тему вовсе незачем.

Так как в комнате нет другого свободного места, я сажусь возле тети и чувствую себя так, словно я без одежды вовсе. Утешаюсь тем, что хотя бы тетя не замечает моей наготы.

Я смотрю на нее. Она всем улыбается, щебечет с малышом, когда его подносят и кладут ей на руки. Понятно, и Михаль поблизости, готовая в любой момент подставить руку, если тетя вдруг дрогнет и уронит ребенка. Но тетя держит его очень крепко. Она поглаживает малыша и поет ему «Сегодня вечером на юге Испании выпал град». Я смотрю на нее и вижу, что ее искривленным губам удается произносить слова правильно, без чуждого английского акцента, характерного для остальных членов моего семейства. Я удивлен.

Вдруг мое удивление возрастает двукратно. Как это за тридцать лет своей жизни я не вглядывался в ее лицо вблизи и в моих глазах она была тем же, что и в глазах всех других –

несчастной сестрой моего отца, к которой судьба была так жестока и превратила ее в такую, что никто не захочет жениться на ней, и она, со своей стороны, не мечтает выйти замуж ни за кого.

Мои обостренные чувства уловили, что бабушка каждый раз, когда та проходит мимо нее, качает головой и говорит: «Shi is a hopeless case», – и никто не отвечает ей, потому что все согласны, что тетя – случай уже десятки лет абсолютно безнадежный.

Подали орешки: миндаль, арахис в глазури и без нее. Я видел, что Михаль ест глазированный арахис, и понял, что она чувствует себя комфортно, иначе она бы ела неглазированные орешки или вовсе бы не ела никакие. Потому что если человек ест в обществе разгрызаемые с хрустом орешки, это говорит о том, что он чувствует себя, что ни говори, непринужденно.

Первоначальные восторги от ребенка двух недель от роду поуменьшились, и Михаль подала мне знак, что мы уходим. Это было слишком рано. Я попробовал дать ей это понять тем же способом, так как мне было известно с тех пор, как я знаю свою маму, что она – еще тот хитрец – прекрасно понимает, что мы торопимся, и чтобы мы не сбежали через полчаса – час, продумала визит таким образом, что подарки (вон они, проступают за шторами на кухне) будут вручать в конце. Она рассказала мне о них, о каждом из тех, что не дойдет до адресата, уже в первом сегодняшнем телефонном разговоре, и я знал, что не смогу уйти, не испытывая ужасного чувства вины за то, что обидел ее и всю семью отца.

У меня не было никакой возможности передать Михаль это длинное и сложное послание через заполненную людьми комнату. Поэтому я удовольствовался жестом, говорящим «минутку», и надеялся, что она не станет сердиться и также, что она знает – я в курсе того, что она назначила на три часа встречу с Дорит в общественном саду около нашего дома, чтобы погулять под летним послеполуденным солнцем с двумя малышами, ее и Дорит.

Внезапно несчастная тетя разразилась таким громким смехом, что все ошеломленно замолкли.

Бабушка, повернувшись к присутствующим спиной, собирала посуду. Мама поспешила помочь ей. На лице тети появилось злорадное выражение, интерпретируя которое все могли бы подписаться не глядя, что оно никак не связано с происходящим. Я отчетливо чувствовал, как в душе каждого рождается вопрос, не сошла ли тетя с ума вдобавок ко всем ее тяжелым болезням.

Но тетя не могла видеть взгляды, бросаемые в ее сторону. Она нащупывала что-то левой рукой и в конце концов, ко всеобщему удивлению, вытащила из-под кресла тяжелый, старый магнитофон и торжественно произнесла:

– Я записала вас, записала все, – и снова рассмеялась.

Я тут же твердо сказал, что во время этой встречи не было сказано абсолютно ничего секретного, и тетя, я уверен, записала нас исключительно для своего удовольствия и с намерением развлечь нас.

Однако в нашей семье я уже давно ничего не решал.

– Хотите послушать? – спросила она, но никто ей не ответил.

Я посмотрел на Михаль и увидел, что она думает, как все. То есть «нет».

– Да, – сказал я.

– Эхуд, – воскликнула тетя, которая когда-то жила у нас и ухаживала за мной, – но ты же выговорил это через силу!

– Из-за этого он и хочет послушать, – съязвила Михаль.

Магнитофон был включен. Снова послышались вступительные восклицания, которые раздались, когда пришли мы. Я услышал, как я сто раз говорю «привет» и как Михаль спрашивает всех с деланной приветливостью, как они поживают и как себя чувствуют. Услышал, как

плачет наш малыш, а также марокканский и польский рецепт приготовления хамина⁷. Услыхал даже хруст разгрызаемого зубами присутствующих глазированного арахиса и, главное, свой хруст, потому что находился ближе всех к микрофону (кроме тети, конечно, которая орешки не грызла). На юге Испании выпал град. Все явственно слышали бабушку, сказавшую на английском: «она – случай абсолютно безнадежный», и маму, спрашивающую Михаль, что она хочет, чай или кофе. Услышал я и свой звучный баритон, произносящий: «нет, спасибо, мама, нет, спасибо», и маму, уговаривающую Михаль остаться на обед, и Михаль, уклоняющуюся от приглашения и упорно переводящую разговор на другую тему.

Мама нажала на кнопку остановки магнитофона.

Тетя спросила разочарованно:

– В чем дело? Вы больше не хотите слушать?

– Нет, – сказала мама. – Довольно. Ты сделала это замечательно. Правда, замечательно, но хватит уже.

Тетя приняла свою участь молча и шепнула мне на ухо, что у нее есть еще несколько кассет и она хочет, чтобы я их прослушал, но немного позже, так как ей кажется, что все злятся.

Бабушка была на балконе, и несколько родственников вышли туда, чтобы ее подбодрить. Остальные вели себя так, будто ничего не случилось. Потому что, в конце концов, на самом деле не случилось ничего. Пока. Я взглянул на Михаль. Она выглядела взволнованной и единomyшленницей тех, кто думал, будто что-то произошло. Ребенок заплакал, и она забрала его в другую комнату покормить грудью.

Мама пошла вслед за ней, чтобы поговорить с ней, черт знает о чем еще. Кстати, уже несколько минут она делала мне руками всякие знаки – Михаль, то есть – а я притворялся, что погружен в собственные мысли и ничего не вижу.

Ну как она может хотеть, чтобы мы ушли! Ведь после этого я весь оставшийся день буду чувствовать, что обидел мать и переживать до следующего раза, сумею ли я умиротворить ее – процесс, который может занять несколько недель.

Тетя хлопнула меня по колену и сделала знак идти за ней. Я прошел с ней в ее комнатушку, и она открыла передо мной ящик. Я увидел около пятидесяти записанных кассет, уложенных в образцовом порядке, с написанными на них крупным шрифтом порядковыми номерами. Она сказала мне, что знает на память содержимое каждой кассеты в соответствии с номером и что пока она его видит, но еще немного, и она не будет различать и его. Она показала мне кассеты, потому что пеленала меня и растила до пяти лет, а также нянчила и после этого. И она хочет, чтобы я узнал о тайнике, чтобы после того, как она совсем перестанет видеть, я говорил ей номера. Я сказал ей, что все в порядке, на что она заметила: она всегда знала, что я хороший мальчик. Я почувствовал, что несмотря на все, мое сердце распирает от комплимента и что я действительно неплохой человек.

Когда я вышел, ко мне подошла Михаль и властно сказала:

– Иди сейчас же в ванную.

В ванной комнате, после того как открыла кран, чтобы никто не услышал, она сказала мне, что если мы не уйдем отсюда немедленно, я пожалею о дне, когда решил жениться на ней.

С ЭТОГО момента началось. Если необходим знак начала отсчета, скажем, он был дан. Заголовки, слабый стук барабанов на горизонте, продолжительный звук толстой струны

---

⁷ хамин – блюдо, приготовленное из картофеля, фасоли и мяса

скрипки. Длинный список безымянных участников. Резкий женский крик. Тетя. Кто знает, что думает общество? Возможно, какой-то труп. Возможно, театр ужасов.

Выясняется, что каким-то непостижимым образом исчезла кассета. Кто-то взял ее.

Успокоение. Щебет птиц. Из глубины эвкалиптовой аллеи появляется сыщик. Человек с определенной целью. Он подходит к фотоаппарату. Его задача – найти того, кто взял кассету. Черты лица постепенно проясняются. Обнаруживается, что сыщик – это я.

У меня в мозгу возникает маленькая записная книжечка, и я записываю в ней различные версии. Поднимаюсь и опускаюсь по списку. Утверждаю и отменяю. Для начала я проверяю версию, что кто-то из нашей семьи, не отличающейся чувством юмора, потехи ради утащил кассету в порыве озорства. Эта версия почти полностью рассыпается, когда я осматриваюсь вокруг и не вижу никого из детей какой-либо из находящихся здесь пар. Я вспоминаю, что они ушли в бассейн намного *раньше*, еще в то время, когда тетя дала нам послушать кассету.

Я оглядываю печальные лица и натываюсь на сияющие глаза Элиэзера Лапидута, мужа Ципи Лапидут, сестры моего отца, сестры тети. Он единственный в семье, у кого есть чувство юмора. Я оставляю на маленьком огне версию, что кассету взял он.

Тем временем три женщины организовали поисковую группу и, нагнувшись, искали пропавшую кассету под ногами тети. Они двигали ее из стороны в сторону, ощупывали диван, выглядывая из-за него. В то время, как троица копошится вокруг тети, которая не издает ни звука, я обдумываю возможность того, что тетя действительно потеряла кассету, а кто-то, увидев ее не на обычном месте, решил утаить это. Я держу в голове новую версию, но пока в ней нет смысла.

Выкroив передышку в своих размышлениях, я подошел к Михаль и сказал ей, что не собираюсь уходить в ближайшее время и хочу остаться до тех пор, пока не найду кассету. Сообщив это, я поторопился удалиться с ее глаз долой и поэтому не знаю, как она отреагировала. Одна из женщин за руку уводит тетю в ее комнатку. Тетя послушно уходит. Все уступают ей дорогу.

– Кто-нибудь из присутствующих сомневается в том, что кассета принадлежит тете? – громко спрашиваю я. – Или, может быть, здесь есть кто-то, который думает, что после того, как она нас записала, кассета стала всеобщей собственностью или собственностью того, кто говорил больше всех?

Я стараюсь придать своему голосу оттенок цинизма. Быстрый испытующий обзор лиц присутствующих немного обескураживает меня. Они даже не смотрят в мою сторону. В молчании я усматриваю знак того, что все понимают и знают, что кассета принадлежит тете, хотя теперь я уверен, что никто не понял ни полслова из сказанного мною.

Я продолжаю перебирать подозреваемых. Серьезных и тех, что выдерживаю на маленьком огне. Бабушка, мама, Ципи и Элиэзер, Сара и Моше, Дани и Реувен, Хагит и Матитьягу. Я также не исключаю возможности, что это может быть Михаль или Дани.

– Взявшего кассету прошу положить ее на стол, – я снова повышаю голос и указываю на сервированный стол посреди комнаты, заваленный пустыми тарелками.

Теперь все взгляды обращены ко мне. Дани адресует мне взгляд, полный презрения и отвращения. В комнате воцаряется молчание. Элиэзер Лапидут подавляет короткий смешок. Его жена говорит мне, улыбаясь:

– Ты хочешь сказать, что кто-то украл у тети кассету?

– Не украл, – неужели я пошел на попятный? – Взял по ошибке или шутки ради, – говорю я и чувствую разочарование от себя самого.

– Это не смешно, – категорично заявляет мама, что вовсе неудивительно и даже характерно для нее.

– Тогда где же кассета? – заново собравшись с силами, спрашиваю я, и дядя Моше говорит:

– Наверняка ее взял кто-то из детей.

– Нет, – возражаю я, – это мнение не принимается во внимание. Дети пошли в бассейн намного раньше, чем тетя вскрикнула, еще в то время, когда только дала нам послушать кассету.

– Ну, настоящий сыщик, – говорит Ципи и с удовлетворением оглядывается по сторонам, но ей не удается разрядить мрачную атмосферу. Несколько человек из присутствующих беспокойно ерзают. Я ясно вижу, как Сара и бабушка переглядываются.

– Может, выстроишь всех в шеренгу и обыщешь их карманы, мистер Гольденберг? – бросает вдруг Дани со своего постоянного места на балконе, но я цыкаю на него, я уже объяснял почему.

– Да, хорошая идея, – поддерживает Матитьягу, который в этот миг хочет быть со всеми заодно, несмотря на то, что владеет самой успешной сетью супермаркетов в Савьоне и его окрестностях и поэтому ставит себя и свою жену, по крайней мере, на ступеньку выше всех.

Жена толкает его локтем.

– Люди, мы на травку, – говорит она.

– Никому не двигаться! – крикнул я. – Тот, кто взял кассету, пусть положит ее на стол. Чтобы немедленно положил на стол! – Весь дрожа, я указываю на стол.

– Эхуд, довольно, – говорит мама, приближаясь ко мне, чтобы защитить меня, словно цыпленка. – Он немного грустен с тех пор, как мой муж...

– Я не грустен, – возражаю я. – Я упрямый, вот и все. Теперь оставь меня, оставь. – Я стряхиваю ее руки, обнимающие меня.

В комнате царит растерянность, и гости уже жаждут выйти в сад, чтобы поесть свою фаршированную рыбу с чолнтом. Но все-таки никто не двигается с места. Кажется, мне везет.

– Я не думаю, что это порядочно, – продолжаю я, – взять маленький плод ее труда – вещь, которую ни один из вас не способен понять, верно? – Я действительно сержусь. Слезы застилают мне глаза. Никто не видит. – И я скажу вам, почему вы не способны. Потому что все вы просто заевшиеся буржуи. Бизнесмены, которых интересуют в жизни только деньги. И кроме того, – я лихорадочно подыскиваю слова, – вы жмоты. Да. Вы жмоты. Можно подумать, ни у одного из вас нет денег оплатить тете пластическую операцию тут и там, улучшить ее внешность, хотя бы немножко. Вы даже не думаете об этом, не так ли?

Бабушка бросается ко мне и с силой дает пощечину. Дани уходит. Я не вижу Михаль, но слышу, как горько плачет малыш. Я держусь за свою горящую щеку и не знаю, что делать дальше.

– Дурак, процедила бабушка сквозь зубы, – дурак.

Этот парень – законченный дурак! Что мы только не делали для нее, а? – Она поворачивается ко всем, и они кивают головами. – Что не делали? Где только не были? Покажите мне хоть одного врача, у которого мы не были. Покажите мне – я хочу увидеть. – Она повторяет свои слова на английском, слово в слово, и выходит из комнаты, бормоча себе под нос имена нескольких врачей.

Мама уже не может меня защитить, хотя и знает, что я прав на все сто.

– Эхуд, прекрати, что с тобой? – мягко спрашивает Элиэзер. – Что ты прицепился к такой малости, как кассета? Тот, кто взял – уже взял. Скорее всего взял для смеха, негодяй... – Он на мгновение задумывается и становится серьезным. – А после того, что взял, уже не мог вернуть из-за всего того шума, из-за этого спектакля, который ты тут устроил.

– Элиэзер, верни кассету! – приказываю я, и напряжение нарастает.

– Я думаю, твой сын сошел с ума, как тетя, – говорит Элиэзер маме и, наверняка, спрашивает себя, почему он не согласился пойти с Розенбергами к морю вместо того, чтобы прийти на эту вечеринку в честь нового младенца.

– Может быть, малыш Авшалом взял? – спрашивает он и смотрит на всех, ожидая, что они рассмеются, так как ему все же не нравится, что он обвинен в воровстве. Однако, никто не смеется. Я уже говорил, что у нас шуток не понимают. Бабушка возвращается в комнату, и в руке у нее кассета. Она бросает ее на стол и говорит: «Вот».

– О! – восклицает Реувен, который до этого момента молчал, как рыба.

На миг я теряю дар речи. Думаю, что и на этот раз все окончилось ничем. Но тут я обнаруживаю на кассете цифру три, написанную крупным неровным почерком тети. Все смотрят на меня обвиняющим взглядом, как будто я убил кого-то. Мама не знает, куда деваться.

– Это не кассета, – говорю я.

– Тогда что это, цветок? – сердится Элиэзер.

– Это не та кассета, – говорю я тихим, невыразительным голосом. – Это другая кассета из собрания тети. Это обман. – Я говорю шепотом, но все слышат. Я не осмеливаюсь посмотреть на бабушку.

– Какое-такое собрание? – спрашивает Матитьягу от имени всех гостей.

Я не отвечаю. Я смотрю на Михаль. Она ненавидит меня. Любой идиот может прочесть это в ее глазах. Но мне это неинтересно. Еще немного и откроется правда. Кто-то просит у меня разрешения выйти в сад. Я разрешаю. По-видимому, комендантский час, введенный мною, произвел на них впечатление. Остальные тоже выходят. Михаль остается в комнате со мной. В моих глазах люди в саду подобны разгуливающим птицам, черным и высокомерным.

– Давай уйдем, – шепчет она мне, и я вздрагиваю.

Я не отвечаю ей, потому что и она у меня в списке подозреваемых. Я предлагаю ей открыть ее сумку, а она уходит в сад. Сумка остается на диване. Михаль исчезает за деревом шесека⁸. Я роюсь в сумке и нащупываю кассету. Затем я вставляю кассету в магнитофон и прослушиваю ее, но она такая скучная, что я нажимаю на «стоп», зову Михаль и говорю ей, что мы уходим.

Я собираю разбросанные по всей комнате вещи ребенка, решаю развестись с Михаль и уехать в Лондон учиться музыке. Или, по сути, я думаю о самоубийстве.

---

⁸ Шесек – мушмула (иврит)

Временное решение (Из книги «Недалеко от центра города»)

Дани Браво был красивым и богатым человеком. Миллионы придавали ему особый статус, который требовал высокой планки поведения и не позволял вязнуть в бесплодных беседах, которые он называл пустословием.

Серьезное выражение, не сходившее с его лица, было плодом продуманности и самообладания, и без него он, скорее всего, не достиг бы того, к чему пришел: офис в северной части города с тридцатью двумя сотрудниками и шестьюдесятью клиентами, из которых двадцать один – трудные и понимающие что к чему.

Оперируя крупными суммами, он, тем не менее, не перестал быть порядочным в отношении своих работников и платил им высокую зарплату. Те из них, кто не мог вернуть ему долг деньгами, обычно оставались работать сверхурочно без оплаты и таким образом находили способ отблагодарить его за обеды, которые он финансировал им в «То и это», при условии, что они не потратят больше двадцати пяти шекелей, которых хватало на тхину, соленья, прекрасный стейк из филе и холодный напиток.

Браво ненавидел лесть. Когда кто-нибудь осмеливался открыто льстить ему, он прерывал говорившего и резко спрашивал: «Чего ты хочешь?»

Так он вынуждал собеседника выбрать один из двух единственно возможных вариантов: немедленно вернуться добровольно к своему делу и замолчать либо без проволочек сказать, чего он хочет, коротко и по существу, без всяких лишних ухищрений.

Лучший друг Браво, который на самом деле был достаточно осторожен, все-таки нет-нет да и оступался и начинал льстить; в таких случаях он выбирал первую из упомянутых возможностей. Он замолкал, давая Браво почувствовать четкие и ясные границы его личности, и тут же менял тему. Только после того, как ему удавалось побеседовать с Браво на второстепенную тему, не связанную ни с ним лично, ни с его богатством, он осмеливался говорить о тяжелых для Дани годах, 1976—1981, о том, как тот преодолел трудности и научился использовать их себе во благо. Или спрашивал:

– Скажи мне, Дани, как прошло сегодня с этими тракторами?

Иногда другу это удавалось, и Дани сотрудничал с ним. Но, когда попытка лести была слишком очевидна, дело немного осложнялось. Дани отводил взгляд и говорил что-нибудь вроде:

– Кретин ты этакий, может прекратишь пудрить мозги?

Тогда друг замолкал и усиленно старался найти другую тему. Однако Дани в большинстве случаев вовсе не нуждался в беседах с кем-либо и уж тем более с другом, потому что, в конечном счете, Дани Браво являлся самодостаточной личностью.

Подобные вечера заканчивались тихим уходом друга домой, после того как они с Дани не обменивались ни словом и друг выкуривал более половины пачки сигарет, а Дани – ни одной.

В первые годы друг мучительно переживал долгие минуты молчания, но через года три научился находить для таких моментов особые темы для размышления. Именно мысли, потому что реальные действия в счет не шли. Когда Дани отводил от него взгляд или вставал по каким-то своим делам, друг заучивал точное расположение вещей вокруг себя, чтобы в следующий раз, когда он придет к Дани, он мог узнать по изменениям, что Дани делал и кто посещал его дом. Когда же ему надоедало это развлечение, он, не двигаясь, вглядывался в одну точку на белой стене и усилием воли заставлял себя думать о приятных вещах, как например, об озерах в Швейцарии, которых никогда в жизни не видел.

У Браво с годами также произошел прогресс, и он позволял себе запирается в других комнатах, долго разговаривать по телефону, наливать себе крепкие напитки и приготавливать

легкую закуску. По мере того, как Браво дольше уединялся, его друг все больше затруднялся приводить в действие свое воображение и срочно искал новые образы, здания, сельские пейзажи. Неизменно безмолвные и всегда при свете дня. Если ему не удавалось найти никакой картинке подобного рода, он просто считал овец, а иногда для разнообразия – коров или развлекался подсчетом змей, прячущихся среди скал и подстерегающих доверчивых купальщиков на берегу моря.

На определенной стадии вечера, когда Браво проявлял явные признаки нетерпения, друг поднимался со своего места и говорил:

– Пока, я пошел.

Дани обращал на него взгляд из глубин раздумья и махал на прощание в его сторону своей крупной рукой.

За миг до того, как друг подходил к двери, он кричал вслед ему «спокойной ночи», пожелание, на которое друг никогда не отвечал. Он любил выйти из роскошного дома, хлопнув дверью.

В один из вторников, точно в тот день, когда по телевизору передавали программу «Что произойдет с Тель-Авивом, если на него упадет атомная бомба», его друг задерживался. Браво сидел напротив цветного экрана, пил пиво, смотрел передачу и посмеивался. Было смешно видеть знакомые ему издавна места разрывающимися на мелкие осколки. Взрыв, как подчеркивал обычно смешливый, посерьезневший в соответствии с характером передачи диктор, произведен посредством поразительной и дорогой техники, которая привезена специально для этой программы из Японии, где несколько месяцев тому назад показывали аналогичную передачу про Токио.

Дани чувствовал себя в безопасности. Возможно, потому, что знал, что это все просто эффекты, а может быть из-за того, что часто уезжал из города. Пять раз в году он летал в Нью-Йорк, четырежды – на встречи специалистов в европейских столицах и трижды в год он непременно ездил во Франкфурт, чтобы вложить деньги, которые не хотел оставлять в своей стране.

Пафос в голосе диктора возрос, когда он перечислял вред, который способна причинить бомба людям и их имуществу. Когда он закончил, началось повторение программы, это было скучно, и Дани выключил телевизор.

Одним большим глотком он прикончил пиво и швырнул пустую банку вниз. Банка проделала длинную траекторию протяженностью в восемь этажей и ударилась о тротуар. Дани иногда бросал с балкона вещи, которые, даже если бы и попали кому-нибудь в голову, не могли бы причинить ему большого и уж тем более убийственного вреда.

Друг, если бы он находился сейчас возле Дани, громко рассмеялся, поаплодировал, кинулся посмотреть, прячась за большими цветочными горшками на балконе, не попала ли банка в кого-нибудь, и доложил бы об этом Дани, с улыбкой глядящему на него со своего места.

Браво открыл еще одну банку пива, включил телевизор и увидел конец программы. Сразу после окончания передачи зазвонил телефон.

– В чем дело? – спросил Дани, уверенный, что звонит его друг.

– Дани? – услышал он голос своей сестры Тирцы и пожалел, что ответил.

Она спросила его, смотрел ли он программу.

– Нет, – ответил он ей, так как терпеть не мог, чтобы кто-то из семьи знал, что он делает.

В особенности Тирца, которая потом разболтает всему свету. Она была в разводе, и в прошлом он выручил ее из судебной путаницы, которая возникла между ней и ее мужем. Он оплатил ей адвоката, и она была ему признательна. С тех пор она считала своим долгом ежедневно звонить своему младшему брату и пытаться смешить его разными историями с места ее работы. В конце разговора он обнаруживал, что у нее есть какой-нибудь интерес, обычно она хотела услышать

его мужское мнение о новом парне, с которым познакомилась. На этот раз она спросила о частном учителе математики своего девятилетнего сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.